

Вельтман А. Ф. Романы / Сост., вступ. статья В. И. Калугина; Послесл. и коммент. А. П. Богданова.-- М.: Современник, 1985. (Из наследия).

[OCR Бычков М. Н.](#)

Часть первая

I

Над Киевом черная туча. *Перун-Трепица* {Бог треска, гром; простонародное старое выражение помещено в словаре Трехязычном.} носится из края в край, свищет вьюгою, хлещет молоньей по коням. Вздвигаются кони, бьют копытами в небо, пышут пылом, несутся с полночи к *Теплому морю*. Ломится небо, стонет земля, жалобно плачет заря-вечерница: попалась навстречу Перуну, со страха сосуд уронила с росой,-- разбился сосуд, просыпался жемчуг небесный на землю.

Шумит Днепр, ломит берега, хочет быть морем. Крутится вихрь около *дупла-самогуда* у Княжеских палат, на холме; проснулись Киевские люди; ни ночи, ни дня на дворе; замер язык, онемела молитва. "Недоброе деется на белом свете!" -- говорит душа, а сердце остыло от страха, не бьется.

Над княжеским теремом, на трубе, сел филин, прокричал вещуном; а возле трубы сипят два голоса, сыплются речи их, стучат, как крупный град о тесовую кровлю.

Слышит их Княжеский глухонемой сторож и таит про себя, как могила.

-- Чу! Чу! -- раздается над теремом.

-- Не чую? -- отзывается другой голос.

-- Чу! здесь слышнее, приникни... чу! быть добру! нашего поля прибудет!..

-- Не чую, как ни сунусь, везде крещеное место! Лучи, как иглы, как правда людская, глаза колют; а ладные звуки закладывают уши. Построили терем! спасибо! хорош! добро бы сквозь дымволок путь, да за печкой или в печурке место *простое* для нашего брата! так нет: все освятили крестами враги!..

-- Не хмурься, *Нелегкий*, найдем место! без нас кому и житье? тс! чуешь?

-- Ни слова!..

-- Чу, чу!.. Ну, друг, припасай повитушку, готовь колы-белку, готовь кормилку!..

-- Да вымолви, что деется в Княжеском тереме?

-- Скоро наступит раздолье! выживем крест с родного холма! Князь с Княгиною спор ведут: как звать, величать будущего сына. Княгиня говорит Скиольдом, именем Свенским-крещеным -- да не разорить ей *нас*! Князь хочет звать Туром... Чу, подняла плач и вопль, взбурилась!.. взбурился и Князь! -- чу, клянет он ребенка! "Провались, утроба твоя!" -- говорит... Ступай, ступай, *Нелегкий*, несись за баушкой-повитушкой!..

Крикнул снова филин в трубе Княжеского терема, застонал, обвел огненными глазами по мраку, хлопнул крылом; завыл сторожевой пес, вздрогнул глухонемой привратник, молния перерезала небо, Перун-Трепица круто заворотил коней, прокатился с конца в конец; припали Киевские люди, творят молитву.

-- Недоброе деется на белом свете! -- проговорила душа, а сердце замерло.

Зашипело снова над Княжеским теремом, застучали темные речи, как град о тесовую кровлю.

-- Здорово! совсем ли?

-- Ступай принимать! все что в утробе, все наше!..

-- Ну, добрая доля! как же проникнуть мне в Княжеский терем?

-- Вот скважина возле трубы, да щель, да гнилой *сердцевиною* вдоль перекладкины, прямо *накатом*, по стенке, да в угол...

-- Да кто тут пролезет!.. словно уж в тереме нет ни окна, ни дверей!..

-- Много, да святы: крест на кресте!.. Ступай же, ступай, повитушка, покуда *певень* не повестил полночи... Эх растолстела! скоро тебя и простыми глазами рассмотришь!..

-- Ну, так и быть... э! завязла!..